

ТАТЬЯНА ИЛЬИНСКАЯ

Жизнь, распахнутая всем ветрам

В юности Виктория Окампо случайно наткнулась на эссе Ортеги-и-Гассета “Кордовские отшельники” и прочитала там: “...кордовские скиты, где вырабатывается одиночество высшей пробы”¹. Эти слова отозвались в ней загадочно и сильно. Ей было 16 лет, жила она в это время в Париже, посещала Сорбонну, бегала в Коллеж де Франс на лекции Анри Бергсона. Все, что она узнавала на этих лекциях, было очень далеко от слов Ортеги, но кто знает, если бы не Бергсон с его учением об интуиции, единственно способной воссоздать реальность, может, и не “услышала” бы она Ортегу.

А про одиночество она понимала, как никто. Оно сопровождало ее с детства. Виктория Окампо родилась в Буэнос-Айресе в богатой аристократической семье, ее окружали пять младших сестер, гувернантки, учителя (традиции высокоародовитой семьи не позволяли девочкам посещать учебные заведения вне дома) и... одиночество. Оно мучительно заполняло душу, и лишь музыка способна была стать наперсницей, дать отраду, лишь ей можно было доверить свои печали. “Совсем девочкой я сделала открытие: в горе или в радости ты на одной волне только с музыкой”, — напишет она потом, будучи взрослой. Эта способность понимать всю глубину музыкальной палитры позволила ей в 1913 году, сидя в первом ряду театра Елисейских Полей в Париже на премьере “Весны священной” Игоря Стравинского, среди криков и негодования публики, оставившей балет, почувствовать в неразберихе нот и беспорядочном ритме истинную ценность этой музыки. “С самого начала “колючесть” и ритмическая необычность “Весны” буквально кричали о гениальности автора”, — написала она в предисловии к первому изданию “Хроники моей жизни” И. Стравинского. После концерта Виктория купила партитуру балета, чтобы играть ее у себя дома. Музыку Стравинского она называла своей “первой настоящей любовью”. Позже Беатрис Сарло, выступив

автором сценария, и композитор Мартин Бауэр¹ положат историю знакомства Виктории Окампо с Игорем Стравинским в основу музыкального спектакля под названием “V. O.”, премьеры которого состоится в Экспериментальном центре театра “Колон” в июле 2013 года. Сам же Стравинский в 1934 году посвятил ей свое произведение “Персефона”².

Позднее, в 1936-м и в 1960-м, композитор был частым гостем Виктории в ее старинном доме в Сан-Исидро³. Да и кто только не был в этом знаменитом доме, ставшем со временем настоящим храмом культуры. Вот лишь некоторые имена: Рабиндранат Тагор, Индира Ганди, Ле Корбюзье, Пьер Дриё ла Рошель, Пабло Неруда, Альбер Камю, Андре Мальро, Грэм Грин, Роже Кайуа, Ален Роб-Грийе, Рафаэль Альберти, Антуан де Сент-Экзюпери.

И конечно Ортега-и-Гассет. Он будет очень много значить в ее жизни. Это он повернет ее к испанскому языку и убедит писать именно на испанском. (Ведь первый литературный язык Виктории — французский, именно на нем ее учили читать и писать. Потом был английский. А испанский — это так, для разговоров дома, бытовой язык.) Он же подаст идею выпускать литературный журнал и сумеет внушить, что это ей по силам. Так появится журнал “Сур”. В 1953 году Виктория закончит свою “Автобиографию” такими словами: “Летом 1931-го родился ‘Сур’. Начиная с этого момента моя личная жизнь тесно связана с жизнью журнала. Все, что я говорю, делаю (и пишу), — все это ‘Сур’, и так будет продолжаться, пока существует журнал.

На сегодня вышло уже более двухсот номеров, что обошлось мне в двести проблем и даже больше. Плюс столько же нервотрепок. И в редакции, и за ее пределами. Не знаю, переживет ли он меня⁴. Не знаю и того, добавлю я когда-нибудь что-нибудь к этим воспоминаниям или нет. Пока думаю, что нет”.

На страницах журнала публиковались произведения Рафаэля Альберти, Хорхе Луиса Борхеса, Вирджинии Вулф, Андре Жида, Альбера Камю, Роже Кайуа, Хулио Кортасара, Федерико Гарсиа Лорки, Томаса Манна, Габриэля Гарсиа Маркеса,

1. Беатрис Сарло (р. 1942) — аргентинский критик и аналитик культуры, социолог литературы. Мартин Бауэр (р. 1962) — аргентинский композитор и музыкант.

2. Мелодрама в трех сценах для чтеца, тенора, хора, танцоров и оркестра (1933–1934), либретто А. Жида. Первое исполнение — 30 апреля 1934, Париж, Гранд-опера, под управлением автора.

3. Сан-Исидро — небольшой город в 27 км от Буэнос-Айреса. Большой старинный дом, куда приезжали со всех концов света гости к Виктории Окампо, она завещала ЮНЕСКО. Сейчас в нем размещаются музей и библиотека.

4. Виктория Окампо умерла в 1979 г. Международный литературный журнал “Сур” издавался до 1992 г.

Генри Миллера, Габриэлы Мистраль, Анри Мишо, Владимира Набокова, Пабло Неруды, Ольги Ороско, Октавио Паса, Александры Писарник, Жан-Поля Сартра, Уолдо Фрэнка, Мартина Хайдеггера, Олдоса Хаксли и многих, многих других. Виктория открыла миру много новых имен. Борхес в своей речи в ее честь скажет: “Я был никто, никому не известный в Буэнос-Айресе молодой человек, когда Виктория Окампо задумала издавать журнал ‘Сур’... Меня в то время просто не существовало, люди видели во мне не какого-то Хорхе Луиса Борхеса, а сына Леонор Асеведо, сына доктора Борхеса... А она увидела во мне меня, она разглядела меня, когда я только начинал становиться самим собой...”¹. Она разглядела не только Борхеса, а очень многих, и не только в своей стране, но и за ее пределами.

Она легко знакоилась с людьми, охотно шла на сближение, умела быстро сдружиться. В октябре 1934 года, возвращаясь из Рима в Париж, она специально сделала крюк и заехала в Цюрих, чтобы познакомиться с Карлом Густавом Юнгом. Был страшный дождь, она так и вошла в его дом с открытым зонтом, оставила его блестеть во всей своей мокрой красе в углу просторной прихожей и, как живому существу, позавидовала (вдруг оробев) — ему не идти в гостиную, не дожидаться там с замиранием сердца хозяина. После долгой беседы, уходя и забирая уже сухой потускневший зонт, посмотрела на него с презрением и сожалением — он ни слова не слышал и только сейчас на несколько минут увидел хозяина, провожающего ее до входной двери и все никак не заканчивающего разговор.

Что побуждало ее знакомиться, дружить, покровительствовать? Что, например, подвигло ее отправиться к Юнгу? Конечно, ее глубоко взволновала его книга “Психологические типы”. “Так же глубоко, как ‘Братья Карамазовы’”, — признавалась она. Конечно, у нее была мысль напечатать его лекции в своем журнале. Но это не все. Было что-то еще, что делало ее неутомимой по отношению к людям и в отношениях с людьми. Может быть, отзвуки того детского одиночества? Октавио Пас как-то написал: “Одиночество — глубинный смысл человеческого бытия. Только человек бывает одиноким, и только он не может обойтись без другого”². Во вступлении к четвертому тому своих “Свидетельств” она спрашивает:

1. Речь, произнесенная 15 мая 1979 года в ЮНЕСКО на траурном заседании, посвященном памяти Виктории Окампо. Перевод Бориса Дубина.

2. Перевод А. Погоняйло.

“Разве можно что-то написать, если в тебе не звучит эхо одиночества? В котором отзывается все увиденное, прочитанное, услышанное, пережитое, выстраданное? <...> Одиночество — корень этой книги, он разрастается в ней густой кроной размышлений, они иногда, словно осенние листья, опадают на землю и превращаются в тлен, а иногда попадают глубоко в почву и, как первосортные семена, сами пускают корни, и уже из них растут деревья размышлений. <...>

Насколько громко звучит во мне эхо одиночества, услышат ли его другие, я не знаю этого и не могу предвидеть”¹.

Ее “Автобиография” (в шести томах) была написана в 1952—1953 годах, но увидела свет только после смерти автора (1979—1984). “Без всякой гарантии на успех она написала первую по-настоящему правдивую автобиографию на испанском языке”². “Книги о себе — захватывающее чтение, — говорит Виктория Окампо в статье 1971 года, посвященной автобиографии Грэма Грина и не случайно озаглавленной ‘Привести в порядок хаос’. — Понятно, что самая богатая жизнь, полная разных событий, не станет интересной на бумаге без талантливого ‘переводчика’. А ‘перевод’ такого свойства очень труден. Иногда романист, который рядит себя в разные карнавальные костюмы и выдает за своих персонажей, чувствует себя очень неуютно без своей привычной маски. Большой же писатель автобиографичен почти постоянно, но по-другому — благородным способом, и естественным для него, как дыхание”.

Ее “Свидетельства” (десять томов) публиковались с 1935 по 1977 год. Очень трудно определить их жанр: это эссе, рецензии, воспоминания, размышления, письма и многое другое. В эссе первого тома (1926) “Жак Ривьер. Дорогой Бога” Виктория пишет: “Редактор отказался оставить эти страницы точно такими, как я их написала. Но ведь именно это-то и нужно. Я всегда ищу в книгах те места, где блюстителю литературной чистоты не удалось полностью искоренить витальный беспорядок. Ведь только он дает нам возможность настоящего контакта с автором, возможность проникнуть в его душу. Неуклюжие повторы, запинки гораздо яснее показывают нам его мысль или ощущение, чем их совершенная литературная обработка”.

Этой литературной обработки она, как могла, старалась избежать. “Каждая часть ее книги, — пишет в рецензии на

1. Ocampo V. Soledad sonora. — Buenos Aires: Editorial Sudamericana, 1980. — P. 9—10.

2. Carlos Pardo. La vida copia a la literatura. In: Victoria Ocampo. Darse. — P. XVI.

четвертый том ‘Свидетельств’ Хулио Кортасар, – по-своему будоражит, задевает за живое самой интонацией, доверительной и в то же время дразнящей, словно вопрошая: ‘А что ты на это скажешь? Ведь дело обстоит именно так?’ Любая страница заключает в себе животрепещущий вопрос для понятливого адресата”. И чуть дальше Кортасар признается: “Вспоминаю, как листал однажды в поезде ваши ‘Нюрнбергские впечатления’¹, не слишком меня увлекшие; перечитав их сегодня, вижу, насколько я был легкомыслен и насколько глубоко ваши суждения, вкрапленные в этот очерк...”².

Выдающаяся личность всегда источник мощного духовного излучения. Не все способны это излучение воспринять. У Виктории Окампо был дар не только воспринимать, но и это излучение распространять. Этот дар и сделал ее великим культурным деятелем. Фигуры, аналогичной ей, в мировой культуре, пожалуй, нет. Она вдохновляла всех, кто с ней знакомился и общался, она способствовала тому, чтобы творческое начало в человеке проявилось, она словно создавала вокруг себя культурный вихрь. Она дарила себя всем и каждому, очень щедро делилась собой – в этом ей тоже не было равных. Октавио Пас заметил: “Разговаривать с ней часто нелегко, но очень интересно – она высказывает сомнения, вызывает на спор, докапывается до истины”.

“Вы никогда не боялись сказать ‘я’ (хотя многим это кажется таким *haïssable*³), потому что всю жизнь восторженно прислушивались к ‘ты’, рядом с которым ‘я’ обретает свое истинное значение”, – пишет в уже упомянутой рецензии Кортасар.

И очень верно сказал Ортега-и-Гассет. Он сказал это не про Викторину Окампо. Но его слова, как никакие другие, выражают ее сущность: “Такое перевоплощение, когда личность теряется в реальностях мира, становясь на миг каждой из них, – это редчайший человеческий дар. <...> Уверенная, что не растворится в чужой, она кочует наудачу от сердца к сердцу и возвращается к себе, как сокол с добычей. У нас не умеют жить такой жизнью, распахнутой всем ветрам”⁴.

Жизнь, распахнутая всем ветрам, – точнее про Викторину Окампо не скажешь.

1. Виктория Окампо была единственной женщиной, присутствовавшей на Нюрнбергском процессе.
2. Перевод В. Капанадзе.
3. Отвратительным (*фр.*).
4. Перевод Анатолия Гелескула.